

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И ЕГО РОЛИ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА

© 2016 г. Николай Михайлович Добрынин¹

*В работе рассматриваются феноменологические характеристики современного российского конституционализма как комплексного социокультурного явления, лежащего в основании правовой среды конституционного правления в государстве. Автор выделяет ряд характерных черт и факторов, определяющих облик современного российского конституционализма, подчеркивая, что серьезными препятствиями на пути дальнейшего правового развития страны являются внешние вызовы, деформация массового правосознания в российском обществе, чрезмерное бюрократичивание аппарата публичной власти. Отмечается, что построение правового государства требует решительной борьбы с правовым нигилизмом, правовым идеализмом, а также условиями их возникновения. Анализируются различные точки зрения и подходы, сформулированные учеными-современниками и российскими мыслителями прошлой эпохи, касающиеся определения особенностей российского конституционализма, векторов его совершенствования и насущных потребностей правовой модернизации государства на современном этапе. Автор делает вывод о том, что недостатки современного российского конституционализма имеют глубокие исторические корни и в определенном смысле подпитываются так называемым национальным духом. Отсюда все сложности в их искоренении. В этой связи формулируется мысль о том, что изменение качества российского конституционализма сегодня не может быть само по себе связано с полномасштабной ревизией норм Основного Закона страны, а популярная у ряда политиков и ученых идея *tabula rasa* способна причинить в этом смысле больше вреда, нежели принести пользы обществу.*

The research contains the analysis of the existential traits of contemporary Russian constitutionalism as a complicated societal and cultural phenomenon providing for a fundamentals of the legal environment of constitutional governance in this country. Author highlights a number of specific features and factors which have a significant impact on the figure of contemporary Russian constitutionalism as well he also underlines that the most severe obstacles in the way to legal modernization of Russia are the global challenges, the distortion of the mass legal consciousness, and the excessive bureaucracy within the public authority's institutions. Developing the State of Rule of Law the uncompromising counteraction to nihilism and idealism in Law is needed as well as to the factors of their existence. The research provides for the analysis of different views and approaches formulated by contemporary scientists in Law and Russian thinkers of the past in the context of the peculiarities of Russian constitutionalism, the mainstreams of its development and the actual issues of the legal modernization of Russia nowadays. Author makes the conclusion that the shortcomings of contemporary Russian constitutionalism have deep historical roots and in a certain meaning is being supported by the national mentality. It is the main reason explaining that all the needed improvements of contemporary Russian constitutionalism could not be reached merely by revising the 1993 Russian Constitution, and the popular idea of 'tabula rasa' being alleged by some politicians and scientists in Law has rather the potential of a harm than of a public good.

Ключевые слова: конституционализм, внешние вызовы, правовой нигилизм, законотворчество, правосознание, политико-правовая культура, менталитет, властные полномочия, гражданское общество, демократия.

Key words: constitutionalism, global challenges, nihilism in law, lawmaking, legal consciousness, political and legal culture, mentality, powers of authority, civil society, democracy.

Пролог

Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., в общемировых масштабах конституционного строительства от-

носится к числу сравнительно “молодых” конституций. В то же время не будет преувеличением сказать, что за прошедший период своего существования и действия российская Конституция “пережила” колоссально сложный период, условно говоря, первичной апробации.

На современном этапе Конституция РФ, достойно выполняя свою миссию и (что немаловажно) оставаясь в своем практически первозданном виде, является надежным правовым, идеологическим, политическим фундаментом государства и тем самым создает благоприятные условия для органичного формирования, творческого созидания

¹ Профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (E-mail: belyavskaya@partner72.ru).

Nikolay Dobrynin, professor of Constitutional and Municipal Law, Institute of state and law of Tyumen state University, Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation (E-mail: belyavskaya@partner72.ru).

ния и эволюционного, поступательного развития в обществе процессов и явлений, которые в юридической науке “охватываются” категорией “конституционализм”.

Вместе с тем 23 года “жизни”, преодоленные Конституцией страны, безусловно, стали периодом накопления также и критической массы признаков, условий и факторов, которые неизбежно сопровождают действие Основного Закона, его реализацию, будучи порождены как самой Конституцией, так и возникнув вопреки ей.

Нам без каких-либо притязаний на представление исчерпывающего перечня в числе сфер возможного проявления таких признаков, условий и факторов в основном видятся:

во-первых, соответствие Конституции действующего законодательства, а также практики его применения, включая состояние конституционной юстиции;

во-вторых, эффективность реализации и защиты гарантированных Конституцией прав и свобод индивидов, организаций, социальных групп;

в-третьих, процессы и тенденции в политической системе общества в целом и в публичной власти, в частности;

в-четвертых, уровень общественного сознания, включая правосознание, и оценка, даваемая Конституцией обществом, степень восприятия и закрепления в общественном сознании конституционных ценностей;

в-пятых, общее состояние научного знания в области юриспруденции, и особенно конституционно-правовой доктрины.

Указанные условия и факторы, получая свое воплощение в жизни общества и государства, диалектически подводят Основной Закон, а за ним и собственно страну, весь многонациональный российский народ к рубежу (барьеру), преодоление которого связано либо с коренным преобразованием, либо если не с сущностным изменением, то с “отысканием” и раскрытием принципиально новых качеств правовой реальности, идентичных предлагаемым эпохой вызовам.

Посему проблема оптимального выбора Россией дальнейшего курса конституционного развития не только (а может быть, и не столько) набирает весьма высокую актуальность в научных и политических кругах: он отнюдь не бесосновательно становится особо значимым уже и с экзистенциальной точки зрения. Подобная тенденция в купе с некоторыми иными факторами как нельзя

лучше характеризует сущность и “остроту момента” в состоянии российского конституционализма на современном этапе.

Обстоятельному раскрытию сущности российского конституционализма как с точки зрения общих представлений об этой правовой категории, так и с позиции соответствующих тенденций, а также проблем и вызовов, обуславливающих возникновение и развитие таких тенденций, посвящены дальнейшие авторские размышления.

Конституционализм – правовая онтология и достижение консонанса как предтеча цивилизованного бытия

Прежде всего, устанавливая “тональность” для предстоящих рассуждений, необходимо обратиться к общим представлениям о конституционализме как политико-правовом явлении, учении и научной категории. Конституционализм в этих своих качествах начал формироваться в XVII–XIX вв. – в эпоху буржуазно-демократических революций в Европе и Северной Америке, в целом ознаменовавших переход цивилизованного мира от феодализма к индустриальному обществу.

Профессор В. Е. Чиркин в этой связи отмечает: “Как общественно-политическое движение конституционализм возник задолго до принятия первых конституций и заключался главным образом в требованиях принять основной закон, ограничивающий власть абсолютного монарха и юридически гарантирующий права человека”².

В современной науке понятие “конституционализм” принято воспринимать в трех изначальных и основных ипостасях.

Первое, в сугубо теоретическом ключе конституционализм представляет собой систему политико-правовых знаний, доктрину, которая, основываясь на идеях и ценностях демократии, предполагает ограничение государственной публичной власти правом, притом что основная роль в регулировании общественно-государственных отношений в рассматриваемом аспекте отведена конституции – нормативному правовому акту высшей юридической силы, в котором сбалансированы и в абстрактной, концентрированной форме закреплены права, интересы и взаимные обязанности общества, составляющих его индивидов и государства.

² Чиркин В. Е. Конституционное право. Курс для преподавателей, аспирантов и магистрантов. М., 2013. С. 46, 47.

Второе, в своем практическом преломлении конституционализм представляется как сложившийся в определенном государстве политико-правовой режим ограничения публичной власти конституцией на основе соответствующих идей и ценностей, а также институтов и отношений, в целом характеризующихся как конституционное правление.

В.Е. Чиркин продолжает мысль, начало которой воспроизведено нами выше: “В наше время это движение (конституционализм. – Н.Д.) имеет другую форму: требования демократизации и социализации конституций (и, следовательно, всего общественного строя) с тем, чтобы они полностью отвечали вызовам XXI в.”³.

Третье, полагаем, что объединяющее первые два ключевые значения рассматриваемого понятия сводится к тому, что конституционализм представляет собой сложную общественно-политическую и государственно-правовую категорию, в основе которой лежат исторически сложившиеся идеалы конституционной демократии (т.е. демократии, базирующейся на конституции как особом документе государства и общества), институты властвования и политический режим, соответствующие конституции, а также не только действующая, но и действенная система защиты конституции и конституционного строя, закрепленных в конституции демократических ценностей, прав и свобод человека и гражданина.

С учетом этого конституционализму присущ ряд ключевых признаков, сущностных черт, которые представлены ниже.

Первым таким признаком, вне сомнения, являются конституционные идеи и ценности, основанные на достигнутом высоком уровне развития демократии: осознание общности и неразрывности интересов общества и государства и, соответственно, необходимости достижения консенсуса в вопросах социального и государственного устройства, управления делами государства и общества; признание приоритета человеческой жизни и достоинства личности при решении вопросов властвования; идея народовластия и основанная на данной идее демократический порядок формирования основных государственных институтов; верховенство права и т.д.

Принципиально важно, как представляется, что указанные идеи должны не просто существовать в “безвоздушном пространстве” общества,

а быть принятыми этим обществом, твердо укорениться в зрелом общественном сознании, пройти так называемую общественную легитимацию. Здесь как нельзя важно напомнить всем о заслуживающей особого внимания позиции, точке зрения русского философа-правоведа XX в. И.А. Ильина, который в основу государственно-правовой парадигмы закладывал “духовно-здоровое”, “нормальное” правосознание. Согласно воззрениям И.А. Ильина, “право⁴ только “проявляется” во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности..., именно человеческая душа остается той средой, в которой зарождается, зреет, протекает – и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого”⁵.

Следует также отметить, что принципиально идея “принятия” власти (а соответственно, и ее основных – конституционных – начал) обществом высказывалась и ранее, в том числе, как это ни парадоксально, апологетами этатистски-тоталитарного подхода. Так, Н. Макиавелли в завоевании расположения народа видел одну из основных задач “государя”. Т. Гоббс, в свою очередь, основой для признания власти обществом считал общественный договор. Ш.Л. Монтескье, представлявший либеральное направление политико-правовой мысли, в своем трактате “О духе законов” писал: “Законодатель должен соотноситься с народным духом..., так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением”⁶.

Видный конституционалист-современник, проф. В.Д. Зорькин абсолютно точно отмечает: “Можно привести множество высказываний современных философов и социологов, подчеркивающих, что право может быть действительно лишь в той мере, в какой ему удастся получить социальное признание (Пьер Бурдьё), что право должно быть способно доказать собственную легитимность в глазах граждан, обладающих во всех других отношениях разными взглядами (Юрген Хабермас) и т.д. Вряд ли кто-то будет сейчас спорить с тем, что эффективной является такая правовая система, которая обеспечивает легитим-

⁴ В контексте рассуждений И.А. Ильина термином “право” охватываются и конституционные нормы, в том числе в их идейно-ценностном восприятии.

⁵ Ильин И.А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступ. ст. И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 211.

⁶ Монтескье Ш.Л. О духе законов. М., 1999. С. 261.

³ Там же. С. 47.

ность правоустановления и правоприменения... в глазах большинства населения”⁷.

Вторым признаком, характеризующим конституционализм, является наличие нормативно-правовой базы, основу которой, в свою очередь, составляет конституция. Данный атрибут конституционализма следует из демократического принципа подчиненности государства праву.

Однако, как ни парадоксально, принятие совокупности правовых актов, в которых с той или иной степенью усердности правотворцем закреплены упомянутые выше идеи, не есть самоцель, а потому само по себе никак не может быть связано с конституционализмом.

Особо подчеркнем, что *нормативное начало конституционализма связано с четко выраженной и иерархически выстроенной системой правовых норм и нормативных актов, эти нормы закрепляющих и “цементирующих”.* При этом особое значение в такой системе имеют не только нормы собственно позитивного права, но и признанные и закрепленные на уровне конституционных норм естественные, неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина.

Венцом нормативно-правовой базы конституционализма, ключевым и системообразующим началом всех начал является конституция, на нормативных положениях которой прочно зиждется массив всех остальных юридических норм, причем не только конституционно-правовых, но и всех остальных, вне зависимости от их отраслевой принадлежности. *Верховенство конституции – неотъемлемое качество конституционализма.*

Для конституционализма принципиально важно, чтобы политико-правовой режим, фактически сложившийся в том или ином государстве, соответствовал его конституции. В этом заключается глубокий смысл *третьего признака конституционализма.* В то же время не может считаться конституционным режим, основанный на конституции, которая не признает демократических принципов и идей, не провозглашает и не защищает права и свободы человека и гражданина. Применительно к рассматриваемому признаку конституционализма речь можно вести лишь о случаях, когда имеет место соответствие демократического политико-правового режима демократической конституции. Так, В.Е. Чиркин отмечает: “В наше время подлинный конституционализм имеет демократический, социальный,

правовой и светский характер. Можно, конечно, говорить о существовании формального или ущербного конституционализма в некоторых странах, но это не подлинный конституционализм”⁸.

Четвертый признак конституционализма непосредственно связан с наличием действующих механизмов защиты как самой конституции, так и основанного на ней конституционного строя. Безусловно, такие механизмы имеют собственную нормативно-правовую основу, в том числе и на уровне конституционных норм, а также саму систему общественных и властных институтов, через которые они (эти механизмы) реально действуют и приводят к тем или иным прогнозируемым результатам или, наоборот, дают сбой и отклонения.

Раскрытие сущности рассматриваемого признака конституционализма неизбежно подводит к выводу о том, что защита конституции и конституционного строя не должна основываться лишь на системе охранительных норм и репрессивных мерах государственного аппарата.

Особо подчеркиваем, что защита конституции и основ конституционного строя, напротив, в первую очередь требует создания реальных условий для полноценной реализации норм конституционного права в повседневной жизни общества; претворения в жизнь демократических ценностей и идеалов; правильного толкования конституционных положений, обеспечения их целостности и незыблемости (в частности, путем закрепления адекватных потребностям общественного развития механизмов изменения конституции).

Профессор Н.В. Витрук, характеризуя конституционализм как многоэлементный и многоуровневый феномен, дополнительно указывает и раскрывает такие его грани, как конституционность и конституционный порядок (наряду с законностью и правопорядком). В частности, он не безосновательно утверждает: “На базе Конституции Российской Федерации правовая жизнь России обогатилась новыми явлениями и процессами, нашедшими свое выражение в таких научных понятиях (категориях), как *конституционность* и *конституционный порядок*. <...> Конституционность означает, что требования обеспечения, реализации, охраны и защиты конституционных положений обращены непосредственно к органам публичной власти, а также к объединениям граждан и их должностным лицам, осуществляющим публичные функции на основе конституции

⁷ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 16.

⁸ Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 47.

и законов. <...> Требование о реализации конституции, ее положений, обращенное к гражданам и юридическим лицам, действующим в частной сфере, есть требование соблюдения конституционного порядка. Отличие конституционности от конституционного порядка может быть проведено по такому критерию, как их правовая основа. Если реализация конституции составляет содержание конституционности, то реализация конституционного права в его полном объеме – содержание конституционного порядка”⁹.

Представляется крайне важным отметить, завершая общие суждения о конституционализме, что данный феномен во всех своих проявлениях суть явление не статическое, а динамично изменяющееся и развивающееся. Полагаем справедливым заключить, что не только каждому государству и каждому народу, но и каждой вехе, каждому этапу в развитии соответствующего государства и народа присущ “*свой*”, *особый конституционализм в его уникальном проявлении*.

Н. В. Витрук, например, отмечает: “Все составляющие конституционализма развиваются под воздействием системы общественных отношений, разнообразных факторов, реальной жизни и находятся в постоянном взаимодействии между собой”¹⁰.

Считаем весьма уместным опереться и на совершенно справедливое суждение В. Е. Чиркина: “*Конституционная доктрина* конкретна, она может не иметь и обычно не имеет универсального характера. Она может быть присуща определенной группе сходных стран или одной стране”¹¹.

Подобному суждению в полной мере соответствует и позиция В. Д. Зорькина: “...и Конституция в целом, и ее возможные изменения, и ее толкования не могут не опираться на конкретную специфику исторической судьбы и культурно-цивилизационные особенности того общества и той страны, правовой базис которой устанавливает эта Конституция”¹².

С полной ответственностью утверждаем, что вчерашняя, нынешняя и будущая Россия не являлась, не является и не будет являться исключением.

⁹ Конституционное право Российской Федерации. Учеб. / Под общ. ред. Н. В. Витрука. М., 2010. С. 153–155.

¹⁰ Там же. С. 153.

¹¹ Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 47.

¹² Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации) // Современный конституционализм: вызовы и перспективы. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию Конституции Российской Федерации (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2013 г.) / Отв. ред. В. Д. Зорькин. М., 2014. С. 8.

Конституционализм – правовая гносеология, de facto i de jure ипостасей бытия: размышления о насущном и пути к очевидности

По завершении изложения общих представлений, в том числе авторских, о конституционализме как сложной, весьма многоаспектной и многомерной категории представляется обязательным перейти к исследованию условий и факторов или, образно выражаясь, вызовов эпохи, с которыми сталкивается современный российский конституционализм и, соответственно, под воздействием которых неизбежно формируются и моделируются его новый облик и его новая сущность.

В качестве первого из таких вызовов как наиболее значимого и по силе, и по масштабам воздействия следует назвать складывающиеся тенденции и реально происходящие процессы в общемировом, планетарном измерении. Россия как непреходящий и традиционно влиятельный участник масштабных событий и структурных процессов, происходящих в мире, безусловно, не только воздействует на эти перемены, как позитивные, так и негативные, но и сама подпадает под их неизбежные последствия — прямо или “*турбулентно*”. При этом далеко не всегда наступает консонанс внутри государственных долгосрочных социально и культурно ориентированных программ, государственного суверенитета и неких якобы общемировых установок на демократическое развитие миропорядка, навязываемых одной страной, присвоившей себе такое право (США), или группой стран, союз которых уже дал ощутимую трещину. Но ЕС по-прежнему “*надувает щеки*” и продолжает диктовать России условия, как ей жить сегодня и завтра.

В таком ключе вполне логично начать рассуждение с вопроса о глобализации и соответствующих данному процессу десятилетних попыток и стремлений отдельных стран, а также их коалиций к произвольному присвоению себе по праву сильного статуса центра влияния на происходящие события и принимаемые решения как в мире в целом, так и в его отдельных регионах, и даже отдельно взятых государствах.

Весьма точным представляется суждение В. Д. Зорькина, высказанное им в 2013 г. в преддверие начавшей активно раскручиваться спирали глобального противоборства стран: “Нынешний мировой раунд глобализации не только выдыхается с геэкономической точки зрения, но и все более явно проваливается с точки зрения социально-культурной.

Глобализация приобретает явные черты такого процесса, который английский социолог Р. Робертсон назвал *глокализацией*, т.е. расхождением ключевых тенденций развития по полюсам глобального и локального <...> налицо не только усиление глобальных связей и взаимозависимостей, но и обратный процесс “закрывания” стран в локальные экономические союзы”¹³.

В.Д. Зорькин аргументированно отмечает, что происходит размывание и разрушение социально-культурных идентичностей, которые, однако, пытаются противостоять данному процессу, “приобретают не просто агрессивный, но и явно криминальный характер”¹⁴.

Обозначенный общемировой процесс неизбежно проецируется и на российском обществе в виде тенденции к нарастанию в нем центробежных сил, обозначаемой как “социокультурный раскол”¹⁵.

Справедливости ради следует обратить внимание на то, что причины социокультурного раскола в обществе кроются не только лишь во влиянии извне – налицо и внутренние противоречивые факторы, которые обуславливают нарастание указанной тенденции; факторы эти уходят корнями в историю России, в ментальность русского народа; они подпитываются событиями и процессами, которые происходили в нашей стране в сравнительно недавнем прошлом, а также имеют место быть и сейчас, как следствие тех событий и процессов.

По мнению В.Д. Зорькина, “проблема определения главной линии российского социокультурного раскола еще ждет своих исследователей.

Однако уже сейчас очевидно, что предпосылки такого раскола лежат и в сфере законодательства, и в “грехах” правоприменения, в неравенстве перед законом и судом, и вопиющем социальном неравенстве”¹⁶.

Известный ученый называет и ряд других причин, которые кроются в культурной, экономической, социальной сферах Российской Федерации.

Полагаем весьма важным сфокусировать взгляд читателя на том, что в ряду всех основных причин в качестве одного из ключевых факторов быстро растущего социокультурного раскола В.Д. Зорькин выделяет “именно нараста-

ющий конфликт между лежащими в основе права моральными нормами, массово укорененными в обществе, и тенденциями пропагандируемых и наблюдаемых изменений российской реальности”¹⁷. Согласно вышеизложенному подходу одна из самых крупных проблем обусловлена “прививаемостью” и “приживаемостью” в современной России различных политических, экономических, правовых, технических и иных новшеств, как известных из общемирового опыта и цивилизационного уклада, так и имеющих внутригосударственное происхождение.

Всецело поддерживаем и разделяем точку зрения В.Д. Зорькина, признаем очевидность суждений и обоснованность его позиции.

Безусловно, наличие многолетнего вектора на раскол крайне губительно для российского конституционализма, поскольку подобная тенденция к коррозии общества, средства и условия для “возделывания” всего того, что его составляет, укрепляет и развивает, но, пожалуй, самое наиглавнейшее – люди, которые теряют веру в будущее и власть, которая во многом безлика и не предлагает внятной программы действий. Давайте согласимся, единство общества – залог полноценного существования и функционирования государства.

Здесь, думается, уместным будет обратиться к воззрениям И.А. Ильина, который утверждал: “Государство есть нечто от духа и нечто для души. Оно есть духовное единство людей, ибо в основе его лежит духовная связь, предназначенная для того, чтобы жить в душах и создать в них мотивы для правильного внешнего поведения. <...> По своей основной идее государство есть союз духовно сопринадлежащих людей, племен и наций, объединенных ради гетерономного осуществления естественного права”¹⁸.

Полагаем, применительно к федеративной форме государственного устройства России столь же важным представляется и следующее высказывание И.А. Ильина: “Федерация отправляется от множества и идет к единению и единству. Это есть процесс отнюдь не центробежный, а центростремительный. Федерация не расчленяет (не дифференцирует, не разделяет, не дробит), а сочленяет (интегрирует, единит, сращивает (курсив наш. – Н.Д.)”¹⁹.

¹³ Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации). С. 9, 10.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ Там же. С. 14.

¹⁸ Ильин И.А. Указ. соч. С. 106, 110.

¹⁹ Ильин И.А. Что такое федерация? // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1. М., 2008. С. 228.

Таким образом, на наш взгляд, задача купировать губительное влияние центробежных сил и процессов, разрушающих российское общество, восстановить его во всем многообразии и установить целостность со всей очевидностью приобретает особый конституционный смысл и значение.

При этом в полной мере осознаем, что успешное решение такой архисложной задачи может быть достигнуто лишь на фундаментальной основе.

Считаем уместным в связи с указанным обстоятельством напомнить о позиции В. Д. Зорькина, которая нами воспринимается. «Конституция — это *формализованный общественный договор* о принципах государственного и общественно-государственного устройства. Но его базой обязательно должен быть *реальный общественный договор* между основными социальными слоями и группами нашего общества. Ключевая проблема в том, что в условиях расколотого общества исчезает основа, на которой зиждется реальный общественный договор, и возникает то, что называют фактической Конституцией».

Такой основой может быть только достаточно высокий уровень общественного согласия... Причем главное для общественного согласия — это не формальное волеизъявление граждан и социальных групп, а то *общественное доверие*, которое их побуждает к конструктивному и осознанному волеизъявлению, доверие между людьми, социальными группами, социальными институтами, между обществом и государством в целом»²⁰.

Однако следует заметить, что проблема доверия между обществом и властью — в рассматриваемом срезе как фактор и условие единения общества — не является принципиально новой ни для общественно-политической реальности нашего государства, ни для науки, скорее наоборот, имеет тернистый, сотканный из противоречий, исторический путь генезиса, эволюции и современную интерпретацию становления.

Весьма очевидно одно, что роль общественных наук вообще и юридической науки, в частности, в исследовании обозначенной выше проблемы и формировании теоретической платформы общества, которая органично укладывается в практическое русло цивилизованного бытия, по-прежнему крайне велика. Потому, давайте признаемся, велика и наша ответственность.

²⁰ Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации). С. 17, 18.

В. Д. Зорькин обращается к ученым-правоведам и акцентирует внимание на ключевых, имеющих судьбоносное значение задачах, суть которых сводится к следующему:

во-первых, комплексное междисциплинарное исследование *цивилизационно-исторических особенностей России* в контексте мирового опыта политико-правового развития;

во-вторых, выработка с учетом российских особенностей адекватной этим особенностям *концепции российского конституционализма*;

в-третьих, разработка на этой основе *современной догмы российского права*, способной надлежащим образом конкретизировать конституционно-правовые принципы и нормы, переводя их в плоскость практической правотворческой и правоприменительной деятельности²¹.

При этом ученый обращает особое внимание на то, что «правоведы, причем не только конституционалисты, не могут, не имеют права замыкаться на своей сугубо нормотворческой “профессиональной деланке”. Они должны строить свою работу с учетом уже выявленных рисков и необходимости настойчивого и продуманного управления рисками. Это относится и к вопросам поправок в Конституцию, и к вопросам трансформации законодательства, и к вопросам правоприменения, и к системным правовым оценкам рисков, возникающих при разработке и реализации стратегических политических решений в любой сфере»²².

Полагаем обязательным изложить и точку зрения проф. С. А. Авакьяна, который также указывает на то, что “в последнее время у достаточно обширной аудитории нашего населения резко уменьшился уровень доверия к государству”²³.

Известный ученый в качестве основных причин установил следующие: «не очень удовлетворительное выполнение государством своих задач, возрастание бюрократизации государства и его систем, реально существующая опасность так называемой “приватизации государства”»²⁴.

С. А. Авакьян предлагает весьма жизнеспособные варианты восстановления доверия между властью и обществом:

²¹ См.: там же. С. 9.

²² Там же. С. 17.

²³ Авакьян С. А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юрид. мир. 2015. № 2. С. 23.

²⁴ Там же. С. 23, 24.

первый, урегулирование вопроса о соотношении общества и государства;

второй, развитие институтов гражданского общества: “общество должно стать самоорганизованной (или самоорганизующейся) структурой. Иначе говоря: а) иметь кроме общих задач с государством также и свои собственные задачи; б) соорганизоваться по ячейкам внутри общества и самоуправляться в них; в) подумать о том, можно ли создать какой-то направляющий центр для всего общества”;

третий, “незамедлительное и максимальное возвышение в конституционном строе роли личности в обществе и государстве в двух аспектах ее реального существования: а) трудовом коллективе; б) по месту жительства”²⁵.

Представляется важным обратить внимание читателя на то, что С.А. Авакьян – один из немногих ученых, целенаправленно исследующий такой аспект, как конституционализация особого рода обратной связи, которая корнями должна исходить от индивида к обществу и государству. Им, в частности, излагается следующий посыл: “Думается, в нашем конституционном фундаменте не отражена еще одна очень важная составляющая – долг каждого из нас перед государством, обществом, окружающим миром”²⁶.

При этом категорию “*долг*” с точки зрения ее конституционно-правового содержания он рассматривает как выражающую “не только и не столько правовые, сколько общегражданские требования к личности. Поэтому, – утверждает известный ученый, – данная категория является более широкой, она предполагает определенное поведение лица, но (в отличие от такой категории, как “*обязанность*”. – Н.Д.) не может сводиться к нескольким конкретным правилам”²⁷.

Соответственно, и мы поддерживаем такой вывод. С.А. Авакьян полагает, что “всегда, а уж тем более сегодня, в сложные дни, *идеи ответственного поведения личности и российского патриотизма* должны пронизывать российское общество”²⁸.

Считаем, что с последним утверждением связана еще одна проблема, с которой сталкивается российский конституционализм: устоявшийся

кризис общественного сознания и правосознания россиян, в частности.

Думается, следует честно признать, что последовательное, бездумное разрушение советской идеологии и выстроенной на ее основе системы ценностей в перестроечный период, а равно и в последующие периоды реформ, при отсутствии какой-либо внятной и достойной альтернативы привели к дезориентации в обществе, к его многолетней, стойкой неспособности избрать курс для динамичного развития государства, приращения сложившихся достижений. Конституция РФ 1993 г. в условиях такого “*вакуума*” со всеми отраженными в ней видимыми демократическими и гуманистическими завоеваниями, ценностями и идеалами имеет больше туманную перспективу и должным образом не имплементирована во все институты гражданского общества. К тому же, как уже отмечалось нами, в государстве пока не сформирована плодородная основа цивилизованного бытия, и многие из нас, похоже, продолжают пребывать в состоянии когнитивного диссонанса.

Надеемся, с нами согласятся, что правосознание в современном российском обществе практически в любом срезе – от обыденного до профессионального, от правосознания рядового гражданина до правосознания представителей “*правлящих элит*” – переживает к тому же такие крайности своего искажения, как *правовой нигилизм и правовой идеализм*.

По совершенно справедливому замечанию проф. Н.И. Матузова, “оба эти явления (правовой нигилизм и правовой идеализм. – Н.Д.), казалось бы, разновекторные и несовместимые, мирно уживаются и образуют вместе общую безрадостную картину юридического бескультирия”²⁹.

Следует особо отметить, что рассматриваемые феномены – *правовой нигилизм и правовой идеализм* – в России уходят глубоко корнями в историю, являют собой своего рода традицию нашего юридического быта, неотъемлемый элемент российского менталитета.

Приходится констатировать, что идеи и ценности права не приживались в народном сознании в царской России, третировались во времена советской власти, непомерно искажались в перестроечном периоде и практически продолжают пребывать в том же состоянии и сейчас. Как тут не вспомнить русскую пословицу: “*закон – что дышло: куда повернешь – туда и вышло!*” При

²⁵ Там же. С. 24–28.

²⁶ Там же. С. 28, 29.

²⁷ Авакьян С.А. Конституционное право России. Учеб. курс. Учеб. пособие. В 2-х т. Т. 1. Изд. 5-е, перераб. и доп. М., 2014. С. 659.

²⁸ Авакьян С.А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах. С. 29.

²⁹ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Общая теория государства и права. Теория права. Академ. курс. В 2-х т. Т. 2. М., 1998. С. 400 и след.

разных вариантах прочтения она может выражать как нигилистическую, так и идеалистическую сторону искаженного правосознания; не случайно уже давно сложилось мнение: на Руси всегда правили люди, а не законы; отсюда и безразличное, и даже неуважительное отношение к закону “как свойство природы, ментальности русского обывателя”³⁰.

Полагаем весьма уместным будет применительно к обсуждаемой проблеме современного российского конституционализма изложить следующее суждение В. Д. Зорькина: “У нас в России... процесс “жизни по закону”, если говорить об исторических мерках, только начинается”³¹. А потому роль социальных регуляторов (не только правовых) с учетом восприятия этих регуляторов общественным сознанием все более возрастает. Конституция, которая в силу специфической абстрактности своих установлений, в отличие от конкретики предписаний отраслевых норм права, в большей степени впитывает в себя и, соответственно, выражает достигнутую в обществе систему нравственных ценностей. А потому именно Конституция России должна непременно выступать инструментом, цементирующим всю систему нормативно-ценностного регулирования общественных отношений. Это, в свою очередь, даст возможность наладить органическую связь между правом и общественным сознанием.

Представляется, что особо опасным проявлением рассматриваемых дефектов массового правосознания в России является их глубокое укоренение в умах представителей публичной власти. Впрочем, еще А. И. Герцен следующим образом характеризовал указанную проблему: “Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно; точно так же поступает правительство”³². Наш современник Л. М. Белкин, в свою очередь, утверждает, что правовой нигилизм “органически присущ субъектам властных полномочий, он происходит от органов государственной власти и объективно порождается бюрократической сущностью административного аппарата, поскольку именно отрицание права – способ его существования”³³.

Приходится обращать внимание, что отмечаемое мыслителями и исследователями на протяжении двух столетий пренебрежение представителей власти правом, его принципами и ценностями, в чем и находит свое выражение правовой нигилизм правящих элит, дополняется, к сожалению, такими явлениями, как лоббизм и усложнение законодательства в юридико-техническом и структурном аспектах – когда законы нарочито лишаются прямого действия и, соответственно, могут реализовываться исключительно через систему подзаконных актов; нередки также случаи принятия законов “для галочки”, т.е. не для обеспечения реального правового нормирования общественных отношений, а в иных целях, например сугубо для создания видимости выполнения политических обещаний. В последних случаях речь идет уже о правовом идеализме.

Правовой нигилизм и правовой идеализм как результат, укоренившиеся в обществе за счет взаимонаправленности форм своего проявления – от власти к народу и от народа к власти, – приобретают характер самовоспроизводимого состояния, что довольно точно подмечено М. О. Хазамовым: государство в лице управленческих элит нигилистически пренебрегает интересами и правами личностей и групп, в то время как личности и группы научаются нигилистически игнорировать правовые требования государства³⁴.

Наш взыскательный анализ вышеизложенного неизбежно подводит к выводу о том, что искаженное правосознание в обывательской среде, как ни парадоксально, есть своего рода главное средство выживания представителей чиновничества; отсутствие должного уровня развития правовой культуры в народных массах; отрицание одними правовых норм и восприятие другими законодательных установлений в качестве проформы и фетиша дезавуируют потребность качественно правового регулирования, дают представителям власти больше простора для решения своих проблем, которые могут быть весьма далеки от насущных интересов народа.

Н. И. Матузов по этому поводу высказался следующим образом: “Мы наблюдаем сегодня *правовой цинизм* властных структур и правовой нигилизм подвластных (курсив наш. – Н. Д.)”³⁵.

³⁰ Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 2080.

³¹ Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации). С. 8.

³² Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т. Т. 7. М., 1956. С. 251.

³³ Белкин Л. М. Генезис правового нигилизма в контексте теории бюрократизма // Гос. и право. 2013. № 10. С. 19.

³⁴ См.: Хазамов М. О. Правовой нигилизм как фактор угрозы социальной безопасности России. Дисс. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lib/ua-ru/net/diss/cont/218007.html>

³⁵ Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни. С. 2086.

Мы убеждены, что при таких условиях всенепременно требуется принятие экстренных, неотложных мер по оздоровлению массового правосознания в российском обществе, в том числе по минимизации проявлений правового нигилизма и идеализма; в иных случаях идеи и ценности, составляющие сущность конституционализма, в обозримом будущем так и останутся недостижимыми идеалами, а потому со временем большей частью девальвируются и утратят свое значение либо будут и вовсе отвергнуты обществом.

Обозначенные выше проблемы установления оптимального формата взаимодействия социальных элементов в рамках структуры *“личность – общество – государство”*, создания правовой атмосферы взаимного доверия между властью и народом, преодоления кризиса массового правосознания в России вывели нас неизбежно на еще один *“долгоиграющий”* процесс, протекающий в глубине российской политической системы и оказывающий прямое влияние на содержание, качество и реальный характер конституционализма: *речь идет о непрекращающейся, массивной бюрократизации публичной власти в стране.*

С. А. Авакьян, отмечая, что бюрократическая система и народ являются прямыми участниками *“состязания”* между формально закрепленными конституционными идеями и их реализацией на *“подконституционном уровне нормотворчества”*³⁶, ответственно утверждает: *«Какие бы прекрасные ни были идеи в конституции, пришедшие к власти депутаты и чиновники создадут свой “конституционализм”. Его основные проявления будут состоять в том, чтобы законодательный орган власти наполнить депутатами, которых можно быстро сделать послушными..., чтобы аппарат исполнительных органов пополнялся себе подобными, претендент на должность уже на стадии приема на работу был готов стать частью корпоративного сообщества, чьи интересы выше чаяний простых людей..., для двух этих категорий будет совсем неплохо, если в судьи придут слабые профессионально люди»*³⁷.

Признаемся, правовая логика суждений известного ученого-конституционалиста убедительна, обоснована и, что немаловажно, доказуема и подтверждается практикой бытия.

Чиновничество и бюрократизм – неотъемлемые атрибуты любой власти. Диалектическая

взаимосвязь этих явлений с государством и в конечном итоге с обществом не позволяет им существовать отдельно или же одному полностью искоренить другое.

Считаем важнейшей конституционной задачей на современном этапе – уберечь российский государственный аппарат от начавших приобретать реальные формы крайних проявлений бюрократизма.

Напоминаем, что в начале наших рассуждений было подчеркнуто: механизмы обеспечения действенности конституционных установлений, охраны и защиты конституции, придания ей неизменности и стабильности являют собой одну из самых наиважнейших составляющих сущности российского конституционализма.

В этой связи нельзя не обратить внимания на существенное нарастание в российской политико-правовой мысли ревизионистских настроений. От ученых и политиков все чаще слышатся призывы к изменению действующей Конституции РФ, причем к изменению коренному, по принципу *tabula rasa*. Именно в этом апологетах такой идеи видится единственный путь к всесторонней модернизации нашей страны.

Давайте согласимся, что всеобъемлющий пересмотр Конституции сам по себе не способен решить проблему налаживания и развития, модернизации жизни общества и государства; потребуется комплекс политических, экономических, социально-культурных и наконец, собственно юридических мер. Попытка заменить *“плохую”* конституцию *“хорошей”* есть не что иное, как проявление все того же правового идеализма, но в уже более серьезных масштабах, когда можно говорить о поражении идеалистическим правосознанием фундаментальных устоев российского общественно-государственного уклада.

Мы убеждены, что такой подход не заслуживает даже того, чтобы считаться полумерой.

На наш взгляд, именно повсеместное отсутствие у власть предержащих установки к принятию практических мер по реальному претворению в жизнь норм и принципов действующей Конституции РФ – базовая основа расхождения содержащихся в ней положений и действительного состояния дел в государстве, истоки многолетней фрустрации, в состоянии которой продолжает пребывать российское общество.

Согласимся с мнением В. Д. Зорькина, который осуждает ревизионистские взгляды на современную российскую Конституцию и утверждает, что, *“не научившись жить по плохой Конституции,*

³⁶ Авакьян С. А. Конституционализм и бюрократизация публичной власти // Вестник МГУ. Сер. 11 “Право”. 2014. № 1. С. 62.

³⁷ Там же. С. 64.

нельзя научиться жить по Конституции вообще”³⁸. И далее он отмечает: “Рано или поздно нам придется восстанавливать право. Причем именно на общечеловеческом уровне. И вот когда мы вернемся к построению права как одной из основ подлинно человеческого бытия, мы обязательно должны будем задаться вопросом, а не находится ли в основе основ нынешнего бесправия принцип *tabula rasa*, не лежит ли в его основе какая-то ужасная теоретическая ошибка, породившая перерождение современной западной цивилизации? Или по крайней мере поспособствовавшая этому перерождению?”³⁹.

Полагаем весьма важным акцентировать внимание читателя на том, что незыблемость, добротное и ответственное постоянство конституции, на которой зиждется не только правовая система страны, но и существующие в ней общественные и государственные институты, есть залог их устойчивости и стабильности, ключевой фактор социального единства и равенства и в целом поступательного, динамичного развития.

Здесь вновь обращаемся к суждению В. Д. Зорькина: “Устойчивый Основной закон страны, к которому постоянно адресуются не только правоведы, но и политики и рядовые граждане, постепенно становится одним из ключевых символов правовой идентичности нации. <...> Именно по этой причине нации идут на кардинальный пересмотр конституции лишь в том случае, когда новая социальная ситуация жестко диктует необходимость такого пересмотра. А во всех других случаях обходятся локальными минимальными поправками либо просто уточняют применительно к меняющимся условиям трактовку базовых конституционных положений. <...> Конституция содержит в своем тексте вполне значимый потенциал правовых преобразований. Она одновременно позволяет и в определенных пределах уточнять условия социального компромисса, и реализовывать такие правовые изменения, которые подтягивают наше общество и государство к уровню высших мировых достижений в сфере политико-правового развития.

Поэтому полноценная реализация правового потенциала Конституции во многом зависит от того, насколько верно будет определен *баланс между стабилизационной и обновленческой функциями Конституции*. В конечном счете это вопрос о разумных и эффективных пределах,

формах и способах адаптации высоких образцов современного конституционализма к очень сложным реалиям нашей российской жизни”⁴⁰.

Мы убеждены в том, что невозможно усмотреть для России на современном этапе иного пути, кроме пути эволюционного, пути взвешенного совершенствования гражданского общества и государства на базе действующей Конституции РФ 1993 г.

Эпилог

Изложенные нами авторские суждения и мнения известных ученых-конституционалистов представляют на обозрение читателей почти целостную картину, в которой “крупными мазками”, фрагментарно отображены характерные черты, состояние и внутренняя сущность современного российского конституционализма и которая естественным образом и вполне в русле правовой логики налагает свой отпечаток и на отечественное право в целом.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что российское право, основываясь на конституционном базисе, должно на отраслевом уровне в своем органически-мономитном единстве преодолевать вызовы сегодняшних реалий, о которых речь шла выше.

На наш взгляд, пожалуй, основным условием успешного решения такой архиважной задачи является полноценная конституционализация российского права, преодоление разрыва между российской Конституцией и нормативно-правовыми актами текущего законодательства, тем более, подзаконными нормативными актами и актами правоприменения, поскольку, как представляется, в последнее время подобная ситуация во многих случаях стала критической, удручающей и малоуправляемой.

Безусловно, ведущая роль здесь должна быть отведена конституционной юстиции, притом не только в плане собственно разрешения дел о соответствии российской Конституции тех или иных нормативных актов, но прежде всего в части конституционной герменевтики.

Кроме того, почти неисчерпаемый потенциал для сближения отраслевого законодательства и правоприменительной практики с положениями Конституции РФ видится в расширении реальных возможностей для прямого применения Кон-

³⁸ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. С. 55.

³⁹ Там же. С. 188.

⁴⁰ Зорькин В. Д. Проблемы конституционно-правового развития России (К 20-летию Конституции Российской Федерации). С. 6–8.

ституции при разрешении юридических вопросов в повседневной практике правоприменения.

Такой подход, вне всякого сомнения, окажет столь необходимое благотворное влияние и на состояние массового правосознания в России, и на иные протекающие в нашем современном обществе процессы.

Автор ответственно осознает и всю громаду заявленной в статье темы, и неотложность полного устранения известных проблем, и то, что самыми

активными проводниками должны быть не только юристы, ученые, политики, но и все институты гражданского общества, а также простые граждане.

Давайте признаем, что этот конституционный гражданский долг по участию в политико-правовой модернизации России сегодня возложен историей на каждого из нас – без каких-либо исключений!